

Михаил
Матусовский

Рассказ в стихах

Ни куста в саду сожженном, ни вершка живой земли.
Как чума, в пустой поселок немцы в Юрьево вошли.
Словно в судный день на небе — три горящие столпа.
На двурогих плоских шлемах скалят зубы черепа.
В том селе в церковных служках доживал свой

черный век
Гражданин Иван Березин — непонятный человек:
Он прослыл специалистом крупных краж и «мокрых» дел.
Восемь раз в Сибирь ссылался, десять лет в тюрьме

сидел...
Он снимает низко шляпу, он кладет поклон земной,
И Березина Ивана назначают старшиной.
У колхозника Попова поселилась солдатня.
Ищут вредных насекомых и колдуют у огня,
Варят старую конину в прокопченном котелке
И по-своему лопочут на немецком языке.
Выпивает вместе с ними, словно немец, старшина:
«Эй, Попов, садись со мною, выпей хлебного вина!»
Не сказал Попов ни слова, отошел Попов к окну,
Поглядел Попов на немцев, на гадюку-старшину,
На загаженную хату, на очаг, на образа,
Подождал к нему и плюнул в вороватые глаза...
Старшина Иван Березин тихо встал из-за стола.
Офицер сказал солдатам: «Приготовить шомпола».
Взяли за руки Попова, увели на край села.
Где лежит он, — мы не знаем: выюга тропки замела.
Квартиранты спят вповалку. Мать тоскует на печи.
И друг дружку окликают караульные в ночи.
Спят сугробы, как медведи, спят знакомые края.
Поднимается Володька: «Тише, мамка. Это я.
Мне ребята рассказали: немцы батьку... наповал...
Дай мне, мама, ту папаху, что папаня надевал». —
«Что ты, милый? Немцы всюду. Ночь вокруг

темным-темна...» —
«Дай мне, мама, гимнастерку из военного сукна.
Я не маленький, не бойся. Трудно будет — хватит сил.
Дай мне черную кожанку, что папаня не сносил».
Мать сквозь слезы посмотрела на меньшого сорванца:
Зубы стиснуты до боли, руки сжаты — весь в отца.
В теплый лоб поцеловала, шапку подала. Потом
В долгий путь перекрестила по обычаю крестом.
Штаб полковника Миссана в эти дни стоял в лесу.
Часовой ходил по тропке с автоматом на весу.
Под ветвями пробивалась фронтовая колея,
И над лесом тихо плавал дым походного жилья.
Новгородские просторы, ветер ильменской земли...
В штаб полковника Миссана мальчугана привели.
Телефон висит на стенке, на печурке котелок.
Знаменитая землянка — в три наката потолок.
Командир сидит за картой. На столе остывший чай.
«Ты куда спешишь, приятель? Ты откуда? Отвечай». —
«Я из Юрьева лесами шел до вас четыре дня...»

ВОЛОДЬКА

ЮНОМУ ГЕРОЮ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
ВЛАДИМИРУ ПОПОВУ, НАГРАЖДЕННОМУ
ЗА ДОБЛЕСТЬ И МУЖЕСТВО ОРДЕНОМ
КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ.

Сын колхозника Попова, звать Володькою меня». —
Поглядел на командира и, не пряча грустных глаз,
За четыре дня скитаний он заплакал в первый раз.
Так Володька был назначен в истребительный отряд.
Я люблю друзей в дороге и армейский самосад,
Задумчивую беседу, запах леса молодой,
Трехлинейную винтовку и ушанку со звездой,
У натопленной времянки примоститься в уголок,
Знаменитую землянку — в три наката потолок,
Ключевой водой и снегом умыться поутру
И прикуривать с друзьями на отчаянном ветру...
Он кусты перебегают — не заметишь на бегу.
Он в сугробы залегает — не увидишь на снегу.
Если смерть увидит рядом, — даже глазом не сморгнет,
Если лес пройдет с отрядом, — снега с веток

не страхнет.
И немало продырявил туполобых черепов
Грозный мститель, русский школьник по фамилии Попов...
Нынче рано зорька встала, рано в поле рассвело.
Часть полковника Миссана входит в Юрьево-село.
Проезжают батареи, пляшут кони, и летит
Синий пламень от моторов, снежный прах из-под копыт.
Мать выходит на крылечко, от волнения чуть жива,
Видит русские шинели, слышит русские слова.
Погромыхивают танки, словно близится гроза.
Больше мать не разглядела — слезы залили глаза.
Только кто там лихо скачет с автоматом на ремне,
Рядом с главным командиром на трофейном скакуне,
Шапку вежливо снимает, машет весело рукой.
И такой родной до боли, и молоденький такой?
У него звезда на шапке, на боку — стальной клинок.
Он — родимый, он — желанный, он — Володька, он — сынок.

Подъезжает он к воротам ладно спрыгнул у крыльца,
Хорошо глаза смеются, волос вьется — весь в отца...
Прогрели батареи. Кавалерия прошла.
Сам не свой мальчонка ходит по окраинам села.
Он ступает через бревна, где струится горький чад,
Где, как плиты гробовые, печи мертвые торчат:
От двора к двору проходит, от окна идет к окну, —
Пионер Попов Владимир всюду ищет старшину.
Он нашел его в сарае у замерзшего пруда.
Не сбежал Иван Березин от последнего суда.
«Я повсюду шел за вами, вдоль сожженных вами сел.
Если б вы ушли под землю — под землей бы вас нашел».
Подает Попов команду, и ведет Попов врага —
Три шага идти до штаба, и до смерти три шага...
Это было в наше время, в незабвенном январе.
На дворе плясали кони, трубы пели на заре.
Наши части шли на запад из родимого села...
Мать ни слова не сказала, поднялась из-за стола,
В теплый лоб поцеловала, шапку подала, потом
В долгий путь перекрестила по обычаю крестом...
Далеко идут дороги жизни, славы и войны.
Не видны уже ушанки и подковы не слышны.
Снег валится, оседая на дороге фронтовой,
И стоит она, седая, с непокрытой головой.

(Из сборника «Когда шумит
Ильмень-озеро», 1944 г.).

Март 1942 года.